

Ф И Л О Л О Г И Ч Е С К И Е Н А У К И

PHILOLOGY

К 90-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА А. Т. ЛИПАТОВА

УДК 811.511.151+398

Л. А. Абукаева

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

ЗАПРЕТЫ В СИСТЕМЕ ЖАНРОВ МАРИЙСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Работа продолжает цикл статей, посвященных исследованию марийских запретов (ойёрё). В исследованиях этнографического характера и в путевых заметках XIX века фиксировались запреты в описаниях тех или иных обрядов. До конца XX века в марийской фольклористике ойёрё как отдельный жанр фольклора последовательно не выделялись. Большинство исследователей относили ойёрё к суевериям и поверьям и рассматривали их в рамках религиозных представлений. В отдельных рубриках запреты мари представлены в трудах Т. Е. Евсеева, В. М. Васильева, Н. С. Попова. В определенной мере существующий пробел в исследовании ойёрё восполнен работами автора настоящей статьи. В данной работе определяется специфика жанра, выявляются сходства и различия с другими малыми жанрами марийского фольклора – суевериями, поверьями, а также устанавливаются связи внутри системы запретов. Ойёрё отличается стройностью композиции, краткостью. Это способствует их доступности, прочности усвоения. Четкое объяснение причины существования запрета или последствий его нарушения обеспечивает устойчивость ойёрё. Кроме того, в качестве особенностей функционирования и причины устойчивости запретов рассматривается включенность ойёрё в мифы, сказки, песни, былички, бытовые рассказы.

Ключевые слова: лингвофольклористика, жанр, запрет (табу), синкретизм жанров

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ.

*Проект «Запреты в системе воззрений мари:
лингвопрагматический аспект» № 16-14-12003*

До конца XX века в марийской фольклористике запреты (ойёрё) как отдельный жанр фольклора последовательно не выделялись. Большинство исследователей относили ойёрё к суевериям и поверьям и рассматривали их в рамках религиозных представлений.

В исследованиях этнографического характера и в путевых заметках XIX века можно обнару-

жить запреты в описаниях тех или иных обрядов. Так, в очерке И. Н. Смирнова, составленном из отчетного доклада по результатам экспедиции 1888 года в Казанскую, Нижегородскую, Вятскую, Костромскую и Уфимскую губернии, приводится описание похоронного обряда и некоторые запреты, связанные с ним [11]. Наряду с другими жанрами устного народного творчества мари

запреты были зафиксированы также в трудах финских и венгерских исследователей, таких как Х. Паасонен, А. Генц, Ö. Беке.

Новый этап и уровень исследований *ойөрö* обнаруживается в работах Т. Е. Евсеева, В. М. Васильева, Н. С. Попова. Запреты мари в их трудах представлены в определенной системе, сделаны некоторые выводы, касающиеся места и роли запретов в мировоззрении и хозяйственной деятельности марийцев. В. М. Васильев в работе «Материалы для изучения верований и обрядов народа мари» [2] приводит запреты, соблюдаемые в семейно-бытовых и религиозных обрядах, однако он представляет их в составе поверий. Значительное количество запретов было собрано известным краеведом-этнографом Т. Е. Евсеевым. В статьях, опубликованных в газетах и журналах, издаваемых в начале XX века [3; 4], мы находим запреты, связанные с семейно-бытовыми обрядами (родильными, похоронными и др.). Этот этап в истории изучения *ойөрö* представляется важным, поскольку этнографические описания обрядов и обычаев и сопровождающих их запретов позволяют выявить функциональную характеристику жанра запрета, установить роль и место *ойөрö* в ходе обрядовых действий, а также определить социальную, идеологическую, эстетическую и другие функции запретов.

Запрет как жанр устного народного творчества был выделен в работе Н. С. Попова «О некоторых обрядах и обычаях, связанных с хозяйственной деятельностью марийцев» [10]. Исследователь отмечает, что в сознании самого народа запрет существует как отдельный жанр. Рассматривая аграрные и скотоводческие обряды и обычаи, Н. С. Попов приводит запреты, соблюдаемые в такие праздники, как *шорыкйол*, *кугече*, *агавайрем*, *сүрем*, *күсö*, *угинде пайрем*, а также выявляет причины существования обрядов и запретов, их функции.

Некоторые предположения относительно соотношения запретов с другими жанрами устного поэтического творчества были сделаны С. И. Ибатовым, в частности он указывал на «связь пословиц и поговорок с народными приметами и ок йөрö (табу)» [8, с. 20].

Таким образом, в марийской фольклористике запреты неоднократно привлекали внимание исследователей, но как отдельный жанр фольклора выделялись не всегда последовательно. Многие исследователи рассматривали их в составе религиозных воззрений и суеверных представлений. Зачастую им давалась односторонняя оценка, подчеркивалось, что они способствуют насаждению

превратных, искаженных, враждебных здравому смыслу и науке взглядов на мир, природу и общество, порождают неуверенность, слабование, трусливость, отравляют жизнь суеверных людей зловещими представлениями. Научные исследования по данной проблеме не выходили за рамки описаний и кратких замечаний, а сопоставления делались часто на уровне предположений.

В определенной мере существующий пробел в марийской фольклористике был восполнен работами автора настоящей статьи, а именно раскрыта жанровая специфика *ойөрö*, исследованы отдельные компоненты художественной формы и поэтической системы, проведены сопоставления со сходными с *ойөрö* жанрами, бытующими у других финно-угорских народов [1 и др.].

В этническом сознании мари запреты занимают важное и прочное место и однозначно воспринимаются как самостоятельный жанр фольклора. Показательны в этом отношении такие пословицы: *Ойөрöлан кугу тоя* ‘Запрету большая палка’; *Ойөрөн вуйжо огеш коршто* ‘У запрета голова не болит’. Очевидно, эти пословицы возникли в более позднее время, когда стало утверждаться отрицательное отношение к древним народным представлениям.

Жанры, по своей природе близкие к *ойөрö*, имеются и у других уральских народов. Например, у восточных хантов существует целая система запретов, называемых *йим*. Так, восточные ханты во время грозы закутывают зеркала, запрещается ходить во время грозы в красном, а также петь. Считается, что этим можно рассердить гром [9, с. 85]. Значительная часть *йим* связана с хозяйственной деятельностью – охотой и рыболовством [9].

На первый взгляд, запреты сближаются с суевериями, и порой трудно выявить границы, существующие между ними. *Ойөрö*, как и суеверия и поверья, восходят к тотемистическим, анимистическим воззрениям древних марийцев. Их функция заключалась в том, чтобы подчеркнуть особое отношение к необъяснимым силам природы, обеспечить их покровительство и собственное благополучие. Однако, несмотря на общность происхождения, запреты принципиально отличаются от суеверий. Суеверия определяются как предрасудки, в силу которых некоторые явления и события представляются проявлениями сверхъестественных сил и предзнаменованием будущего. К суевериям относят веру в судьбу, предсказательную силу сновидений, колдовство, ворожбу, знахарство, в различные приметы. В марийской

фольклористике суеверия и поверья определяют термином *ырым*, *тўрлō ўшанымаш* [7, с. 12]. Большая часть суеверий охватывает личную жизнь человека (болезни, несчастные случаи, любовь и т. п.). Например, восточные мари́йцы считают, что если во время свадьбы поет петух и лает собака, то жизнь молодых не будет счастливой. Некоторые суеверные представления предписывают и охранительные меры. Так, у восточных мари́йцев считается, что если у коровы родится два теленка, то это может принести несчастье в дом. Чтобы предотвратить его, одного теленка заносили в избу через дверь, другого – через окно. Как видим, суеверие определяет значение того или иного явления, описывает его возможные последствия, в некоторых случаях предполагает ряд охранительных мер.

Запреты преследуют те же цели, но достигаются они иными средствами. *Ойōрō* не только дают те или иные сведения и знания об окружающем мире, но и прямо и непосредственно воспрещают определенные действия, которые могут нанести человеку вред. В краткой и доступной форме излагаются причины существования запрета или последствия его нарушения, например: *Изи азам, пўйжō лекмешке, кўзгыш ончыкташ о йōрō – лўдеш* ‘Младенца до появления зубов нельзя подносить к зеркалу – испугается’; *Мучывуйым тōрлаш, пужаш о йōрō: мучывуй икшыве гай, магыра* ‘Разорять, разрушать кочки нельзя: они плачут, как дети’ [2].

Ойōрō относятся к числу малых жанров мари́йского фольклора. Они имеют двухчастную структуру: первая часть содержит запрет со словом *ок / о йōрō* ‘не годится / нельзя’; вторая часть – лаконичное изложение последствий нарушения запрета или причины его существования: *Кўдырчан йўр годым чара вуйын кошташ ок йōрō – ўпет йога* [2] ‘В грозу нельзя ходить с непокрытой головой – волосы выпадут’; *Киндым шулмо мogyржo дене омса декыла пышташ ок йōрō – ончык от кай, шойык кает* ‘Хлеб отрезанной стороной к двери класть нельзя – впереди не будут удачи’ [2]. Некоторые запреты имеют иную форму. Так, в материалах Т. Е. Евсеева обнаруживаются *ойōрō*, оформленные в виде сложно-подчиненных предложений с придаточным условием: *Нурышто нур наша ыштыме годым рок моклакам кышкылтат гын, наша ышташ неле леш* [5, с. 64] ‘Если в поле во время полевых работ будешь бросаться комьями земли, работать будет тяжело’; *Тўредаш кугарня кечын лектат гын, юмо рашкалта* [5, с. 64] ‘Если жатву начнешь

в пятницу, тебя гром разразит’. *Ойōрō* может оформляться и в виде прямого императива: *Тер кудалтыме кечын нимогай урлыкымат ит лук, шудан леш* [5, с. 64] ‘В Благовещение (букв. день бросания (смены) саней) никакие семена не готовь, будет много сорняков’.

Ойōрō имеют различную степень строгости выполнения. Запреты культовой природы соблюдаются строго и неукоснительно. К таким, безусловно, следует отнести *ойōрō*, восходящие к культу предков и соблюдаемые в связи с поминальными и похоронными обрядами: *Кольшым тояш мийыше ўдырамаш-влаклан кум кече конгаши кинлдым кышкаш ок йōрō – кольшын кидше йўла* ‘Женщинам, участвующим в похоронах, три дня нельзя печь хлеб – руки покойника можно обжечь’; *Кольшын шымытше марте пōртым, настам мушкаш ок йōрō – шинчашкыже лавыра вўд пура* ‘До семи дней после похорон нельзя мыть полы и стирать – в глаза покойника попадет грязная вода’ [2].

Запреты бытового, утилитарно-практического характера допускают отступления при условии соблюдения оберегающих действий: *Яра имым пуаш ок йōрō – айдеме яраш кодеш. Имым иктаж вере керлат, ен вара тушеч налеш*. ‘Иголку без нитки отдавать нельзя – человек «оголеет». Иглу следует воткнуть куда-либо, а оттуда другой уже возьмет’ [2].

В запретах находит закрепление практический опыт народа, знания, полученные в результате многовековых наблюдений нескольких поколений. Суеверные представления переплетаются со стихийно-материалистическими, например: *Семьк пайрем эртымешке, чара вуйын кошташ ок йōрō – вует коршташ тўналеш* ‘До окончания праздника Семика нельзя ходить с непокрытой головой – голова будет болеть’ [2].

Одной из особенностей функционирования *ойōрō* следует считать их включенность в песни, мифы, сказки, былички, бытовые рассказы. Персонажи сказок и мифов, нарушившие запрет, строго наказываются. Множество бытовых рассказов повествует о тех, кто сознательно и даже демонстративно нарушает запрет и рубит дерево или просто ломает ветку в священной роще. Роща карает человека тяжелой болезнью, параличом, который настигает отступника прямо на месте. Былички содержат предостережения от нежелательных действий и повествуют, например, о том, как младенца, оставленного без присмотра, подменил шайтан [2]. Синкретизм подтверждает и древнюю природу *ойōрō*.

Запреты включены и в систему семейных праздников. По представлениям мари, они обеспечивали слаженность семейной жизни, защищали род и семью от злых сил и духов, обеспечивали благополучное пребывание в загробном мире. Так, запреты, соблюдаемые в ходе свадебного обряда, были призваны обеспечить счастливое будущее молодой семье, облегчить переход девушки из одной семьи в другую. Например, существовал запрет оглядываться молодым при возвращении свадебного поезда в дом жениха. Считалось, что этот запрет оберегал молодых от злых сил. Довольно прозрачна психологическая основа запрета: молодая начинает новую жизнь, и для нее важно настроиться на хорошее будущее, т. е. смотреть вперед, а не оглядываться на прежнюю жизнь в родительском доме. Кроме того, вне всякого сомнения, этот запрет обнаруживает системные связи с аналогичным запретом. Запрет оглядываться налагается на знахарей и колдунов при их возвращении с «промысла». Знахари, возвращаясь домой после свершения магических ритуалов, держат руки с ножом за спиной и потрясают ножом или оттопыривают мизинец правой руки. Считается, что при нарушении запрета все зло, которое отослал колдун от больного человека или животного, возвращается к медиуму [2].

В некоторых деревнях Мишкинского района Республики Башкортостан бытует запрет для молодой печь блины на второй день свадьбы. Иначе всю жизнь она будет «гореть», как в этот день у печки – *ўмыр мучко йўлен ила*. Следуя этому запрету, невеста «нанимает» кого-либо, или эту работу выполняет *ончылно шогышо*, т. е. подруга невесты (букв. впереди стоящая).

Таким образом, в запретах, как оригинальном жанре марийского фольклора, находит отражение многовековой опыт народа. В них в виде кратких

императивов формулируется целый ряд ограничений, которые выступают в качестве неписаных законов. Они позволяют регулировать отношения между человеком и природой, отношения между людьми внутри этнической общности.

1. Абукаева Л. А. Культурные запреты в системе воззрений мари // Вестник Марийского государственного университета. 2014. № 2 (14). С. 72–76.
2. Васильев В. М. Материалы для изучения верований и обрядов народа мари. Краснококшайск, 1927. 128 с.
3. Евсеев Т. Е. Обычай, верования и суеверия марийцев // Марий Эл. 1927. № 10. С. 51–63.
4. Евсеев Т. Е. Важнейшие моменты правового быта и обычного права марийского народа // Марий Эл. 1928. № 5–6, 7–8, 9–10.
5. Евсеев Т. Е. Калык ойпого: тошто годсо марий ойлымаш, йомак, ончык лийшаш пале, омо кусарыме, туныкген каласыме, воштылтыш, тушто, кумалтыш мут да шўведыме ю-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1994. 208 с.
6. Запись Л. А. Абукаевой 1989 г. от Ў. П. Пезаевой, 1915 г. р., д. Новоключево Мишкинского р-на БАССР (ныне Республика Башкортостан).
7. Китиков А. Е. Марийские народные приметы. Йошкар-Ола, 1989. 386 с.
8. Марий калык мут ден тушто-влак. Марийские пословицы, поговорки и загадки / сост. С. И. Ибатов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 184 с.
9. Материалы по фольклору хантов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. 216 с.
10. Попов Н. С. О некоторых обрядах и обычаях, связанных с хозяйственной деятельностью марийцев // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979. Вып. 4. С. 123–138.
11. Смирнов И. Н. Черемисы: историко-этнографический очерк. Казань, 1889. 265 с.

Статья поступила в редакцию 20.06.2016 г.

|| Для цитирования: Абукаева Л. А. Запреты в системе жанров марийского фольклора // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 3 (23). С. 35–39.

Об авторе

Абукаева Любовь Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, sylne@mail.ru

L. A. Abukaeva

Mari State University, Yoshkar-Ola

TABOOS IN GENRE SYSTEM OF MARI FOLKLORE

The work continues a series of articles devoted to the study of Mari taboos. Prohibitions in the descriptions of certain rites were recorded in ethnographic research and travel notes of the XIXth century. By the end of the XXth century, taboos as a separate genre of folklore were not allocated sequentially in Mari folklore. Most researchers attributed taboo to superstition and considered them as part of religious beliefs. In separate headings Mari taboos are presented in the writings of T. Yevseyev, V. Vasilyev, N. Popov. To some extent, the existing gap in the study of taboo filled by the works of the author of this article. The study determined the genre specificity, revealed similarities and differences with other minor genres of Mari folklore – superstitions, beliefs, as well as connections are established within the system of prohibitions. Taboos feature a harmony of composition, brevity. This contributes to their accessibility, durability assimilation. A clear explanation of the reasons for the existence of the prohibition or the consequences of its violation provides stability of the taboo. In addition, the inclusion of a taboo in myths, fairy tales, songs, true stories, personal stories seen as features of the functioning and stability of the reasons for the prohibitions.

Keywords: lingvo-folklorology, genre, taboo (ban), syncretism of genres

1. Abukaeva L. A. Kul'tovye zaprety v sisteme vozzrenij mari [Religious prohibitions in Mari views system]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University. 2014, no. 2 (14), pp. 72–76.

2. Vasil'ev V. M. Materialy dlja izuchenija verovanij i obrjadov naroda mari [Materials for the study of Mari beliefs and rituals]. Krasnokokshajsk, 1927, 128 p.

3. Evseev T. E. Obychai, verovanija i sueverija marijcev [Customs, beliefs and superstitions of the Mari people]. *Marij Jel* = Mari El. 1927. № 10. С. 51–63.

4. Evseev T. E. Vazhnejšie momenty pravovogo byta i obychnogo prava marijskogo naroda [The most important moments of everyday legal and customary rights of the Mari people]. *Marij Jel* = Mari El. 1928. № 5–6, 7–8, 9–10.

5. Evseev T. E. Kalyk oj-pogo: tosh-to god-so marij ojly-mash, jomak, onchyk li-jshash pale, omo kusaryme, tunykten kalasyme, voshtylysh, tushto, kumaltysh mut da shÿvedyme ju-vlak [The materials on the folklore of Mari]. Joshkar-Ola: Mar. kn. savyktysh. 1994. 208 s.

6. Zapis' L. A. Abukaevoj 1989 g. ot Ÿ. P. Pezaevoj, 1915 g. r., d. Novokljuchevo Mishkinskogo r-na BASSR (nyne Respublika Bashkortostan) [Record of Abukaeva L., 1989 by U. Pezaeva, born in 1915, the village Novoklyuchevo of the Mishkinsky district of BASSR (now the Republic of Bashkortostan)].

7. Kitikov A. E. Marijskie narodnye primety [Mari folk omens]. Joshkar-Ola, 1989, 386 p.

8. Marij kalyk mut den tushto-vlak. Marijskie poslovice, pogovorki i zagadki [Mari proverbs, sayings and riddles]. Sost. S. I. Ibatov. Joshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1960, 184 p.

9. Materialy po fol'kloru hantov [Materials on the folklore of the Khanty]. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1978, 216 p.

10. Popov N. S. O nekotoryh obrjadah i obyčajah, svjazannyh s hozjajstvennoj dejatel'nost'ju marijcev [Some rites and customs relating to the economic activities of Mari]. *Arheologija i jetnografija Marijskogo kraja* = Archaeology and Ethnography of the Mari region. Joshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1979, vyp. 4, pp. 123–138.

11. Smirnov I. N. Cheremisy: istoriko-jetnograficheskiy ocherk [Cheremis: historical-ethnographic essay]. Kazan', 1889, 265 p.

Submitted 20.06.2016.

Citation for an article: Abukaeva L. A. Taboos in genre system of mari folklore. *Vestnik of the Mari State University*. 2016, no. 3 (23), pp. 35–39.

About the autor

Abukaeva Ljubov' Alekseevna, Doctor of Philology, Full Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, sylne@mail.ru